

Юрий РЫДКИН

СУЩЕСТВЕННОЕ ЗИЯНИЕ

Ирина Шостаковская. Гараж: Стихи / Предисл. Сергея Соколовского. – М.: Новое литературное обозрение, 2019. – 168 с. – (Серия «Новая поэзия»)

*таким-то образом я будто существую
включая или выключая свет*
Ирина Шостаковская

«Гараж» Ирины Шостаковской принадлежит к тому редкому типу поэтических текстов, которому компаративистика с её наследованием, отсылками и переключками противопоказана, поскольку любое внешнее вторжение в поле заявленного текста наносит ему непоправимый ущерб в виде необратимых смысловых трансформаций, разрушающих то сердцевиное, с чем следует обходиться «как с немощнейшим сосудом»¹: *сосуд незнамого меда*. Какими насекомыми он собран и из нектара каких растений – неизвестно никому. Писать об этой книге – значит мешать ей говорить о себе самой, но можно расставить свои скудные маркеры понимания в ключевых местах текста.

Концепт гаража нагружен сразу несколькими коннотациями. Прежде всего, это амбивалентное место, где в реакцию, разрывающую субъект речи на части, вступают два противоположных чувства – покоя (после поездки) и волнения (перед ней). Гараж схож с текстом – они оба статичны, но имеют содержание с потенциальным движением машины/мышления. Гараж, по Шостаковской, представляет собой общий мир, подвергшийся частному гравитационному коллапсу и сжатый до пределов «тёмного чердака», бетонной коробки, «бункера без окон», где каждая стена – тупик: *«Сидеть бы прижавшись лицом / к стене / Одному на свете...»* Однако это сконцентрированное мироздание функционирует в режиме all inclusive: *«внутри у нас звёздное небо»; «“среди миров, в мерцании светил...” / ...ты знаешь, я и это проглотил!»; «мы будем стоять до Большого Взрыва»; «в давнем детстве сломленным беспомощным сжатым в точку / я смотрел в зеркальные серые глаза отличные от моих».*

Другой в замкнутом пространстве является предвестником клаустрофобии, поскольку сам Он тесен, как мир. Отражаясь в Другом, есть риск остаться наедине с самим собой: *«Головокружения своим единоличием отрицают сам / дух коллективизма»; «а так вообще ничего, неплохо выглядите... когда / не на меня смотрите»; «ночь такая большая, что не видать конца / главное – не мешает. главное – нет лица».*

Вообще, в тексте много замкнутого пространства самого разного происхождения: *«это сердце. оно – голубая твёрдая раковина <...> плавательный пузырь. это душа»; «а мы несём в своем мешке волхвов и беса на горшке»; «А где-то далёко ползёт орбитальная станция»; «иногда такой расклад бывает возможен, / даже если находишься в полной жопе».* Даже у души есть своя тесная сфера, метафизическое у Шостаковской осязаемо: *«это душа. / когда она находится в пузыре под рёбрами».*

¹ Библия. Новый завет. Первое послание Петра, гл. 3, ст. 7.

Кажется, что для субъекта книги алфавит тоже является тесным репрессивным средством коммуникации:

главное помнить буквы
потому что из них
состоит уголовный кодекс
и жития святых

Текст книги функционирует как запертый гараж, как замкнутая система алфавитно-комбинаторной энтропии, где есть всё и беспорядок растёт, но субъекту не из чего себя формировать: *«с течением времени словно теряют содержание движется / и остаётся / оболочка»*; *«живы будем нечего умереть»*. Субъект тщетно пытается удержать собственное содержание посредством иронического захвата разного рода мифов: античного, фольклорного, классического, советского, масскультного. Спорадическая рифма в книге словно помогает субъекту перекликаться с самим собой, удостоверяясь в собственном (не)наличии. Тем не менее его бессмертная пустота становится избыточной, неподъёмной, существенной и нескончаемой. Спаситься от неё можно лишь бегством в сон:

сыплет побелка, со стен – известка, и правда будто бы
пустота
а на рассвете придёт за мной
<...>
приходи за мной на рассвете
что ли спокойно посиди
не заметишь как настанет утро
бычьим глазом просинеет заря
о как бы нам хотелось прожить во сне
во сне погибнуть бескровно

Или – через поломку технического средства самовыражения, без которого в цифровую эру невозможна какая бы то ни было актуальная самоидентификация:

update а теперь остаётся только ждать пока у меня
сломается компьютер
ждать пока у меня сломается компьютер
ждать пока у меня сломается компьютер

Но смерти нет и это – плен существования:

«настоящие мёртвые люди
пьют горячее, спят на крыльце»;

«...это лежит мертвяк, которому снится,
что его возлюбленная не может пошевелиться»;

«на берегу девица глядит с тоскою
в волны, а рядом мертвяк смеётся над ней»;

«это мёртвый хватает своих молодцов за штаны,
сообщая подробностям легкий налёт новизны»;

Примерно со второй половины книги поэтические отрезки становятся короче, текст начинает агонизировать и к концу угасает до основополагающих реквиемальных строк, на «незнакомом меду» которых держится всё произведение:

прерывание стука битых сердец
как битых яиц
вмятку
что мерещится мне на чужой стороне это тусклое небо
чуждо
ты считаешься родиной, мутная мокрая взвесь
помоги мне, пожалуйста, как я тебя ощущаю
слышны птичьи крики из жалистных сталинских глыб
мы тоже, наверно, могли б

Книга Ирины Шостаковской «Гараж» – это мир, сжатый до точки сингулярности; призматический глаз, внутри которого есть всё и ничего; место, где в качестве суверенного объекта поэтического высказывания выступает пёстро-порожняя социокультурная среда, чей многоликий крик заглушается поэтическим шёпотом веской авторской единицы.